

VIII. Судебная власть

Мы уже видели, что власть вытекает из того права, которое присваивает себе сила. Но по мере того, как умственный горизонт человека расширился, этой власти приходилось оправдывать чем-нибудь свое существование; и вот она стала опираться на религию и поддержку духовенства, приписала себе божественное происхождение и создала особую замкнутую касту, которая впоследствии начала противиться грубой силе короля и высшей аристократии: так создалась судебная власть. Когда же в 1789 году, власть перешла в руки буржуазии, то она, конечно, оставила в неприкосновенности этот «столп» общественного порядка, тем более, что высшие судебные должности находились, как и военные, в её руках. Все ограничилось тем, что способ замещения этих должностей был преобразован в соответствии с духом времени.

Казнь Людовика XVI нанесла сильный удар «божественному праву», и судебной власти, если она не хотела подвергнуться той же все уравнивающей участи, уже не приходилось больше опираться на него. И вот тогда-то изобрели, или, вернее, возвели на степень божества *закон*, а судебная власть стала его «неподкупной» блюстительницей и исполнительницей. Цель была, таким образом, достигнута: самое опасное учреждение, самое необходимое орудие для защиты привилегированных классов удержалось на месте, сделавшись жрецом нового божества – *закона*, – созданного новыми властителями.

Подчинение Франции царству *закона* представляет собой одно из тех завоеваний 1789 года, которые особенно охотно прославляют буржуазные историки. Сведение всей власти к своду законов повело прежде всего к тому, что узаконило самый ужасный произвол: все французы оказались теперь равны перед законом, и народу больше ничего не оставалось требовать. У всех был теперь только один властелин; перед ним, правда, нужно было преклоняться, но это все-таки вносило некоторое равенство. Таким властелином стал *закон*.

Но если, вместо того, чтобы обманывать себя словами, мы разберем, что выиграли рабочие от этой перемены, то увидим, что они только лишний раз оказались обманутыми. В самом деле, когда во времена неограниченной королевской власти король или аристократы заставляли простого человека служить себе, то положение было ясно: «такова наша воля», говорили они, и это ясно показывало, откуда вытекает их право. Они опирались только на свою шпагу, на которую рассчитывали гораздо больше, чем на волю Божью, т. е. черпали свое право только из силы. Их приказания исполняли, их капризы сносили, но только потому, что нельзя было им сопротивляться; не было, по крайней мере, глупцов, которые бы говорили, повторяя слова заинтересованных лиц, что таков закон, а закону каждый обязан подчиняться, пока он не отменен.

Но признавая, что закон может изменяться, мы тем самым признаем, что он может сделаться отсталым, а, следовательно, по самому существу своему, для кого-нибудь вредным, потому что всегда есть люди, идущие впереди своего времени. Но в таком случае

закон окажется несправедливым и не сможет претендовать на то уважение, которым его хотят окружить. В самом деле, если закон угрожает моим интересам или моей свободе, то на каком основании меня принуждают ему подчиняться и где тот вечный и неизменный принцип, который оправдывал бы это насилие надо мной?

Когда в науке, ученые, после долгих трудов и изысканий, формулируют то, что называется естественным законом, то при этом не бывает никакого большинства, никакой группы людей, которые бы сочли себя стоящими выше всех обыкновенных смертных и решили, что согласно их желанию, естественным силам природы предписывается следовать тому или иному пути эволюции. Если бы кто-нибудь вздумал предъявить такие претензии, то ему только рассмеялись бы в лицо. Когда говорят о каком-нибудь естественном законе, то это значит, что если такое-то явление, такое-то химическое соединение происходит, то это потому, что при данных условиях, в присутствии такой-то силы или такого-то химического сродства[18], оно не могло не произойти. Такие-то силы, приходящие в действие при таких-то обстоятельствах, приводят к таким-то результатам, это вычисляется с математической точностью. Открытый закон, таким образом, не *управляет* явлениями, а только *объясняет* их причины. Можно оспаривать эти законы, сомневаться в них, даже отрицать их; различные тела, составляющие нашу вселенную, не перестанут от этого соединяться сообразно своим свойствам и своему сродству, земля не перестанет вертеться – и при этом не будет никакой надобности в силе, которая бы охраняла правильность их эволюции и наказывала тех, кто захотел бы ее нарушить.

В нашем обществе дело стоит совершенно иначе: законы как будто бы только для того и существуют, чтобы их нарушали. Это зависит от того, что люди, которые их создавали, учитывали только свои личные вкусы, интересы того общественного класса, который они представляют, средний уровень нравственного развития своего времени, а вовсе не характер, стремления и склонности тех, кого хотели подчинить; это было бы, впрочем, и невозможно в виду разнообразия индивидуальных характеров и наклонностей. Каждой частности соответствует свой закон; в социологии также не может быть единого и всеобщего закона для всех случаев, как и в физике; такой закон оказался бы произвольным и неприложимым. И действительно, в нашем обществе нет ни одного закона, который не был бы вредным для тех или других из составляющих его членов – или по отношению к их интересам, или по отношению к их идеям, – ни одного закона, который бы каждая партия, одержавшая победу, не могла обратить в оружие против своих врагов. Всякая партия, раз она пришла ко власти, становится выразительницей закона, потому что именно она, через посредство своих органов, его применяет.

Мы можем, поэтому, заключить, что раз закон есть лишь проявление воли сильного, ему следует подчиняться только тогда, когда нет сил противиться; но он ничем не оправдывается и пресловутая *законность* есть лишь вопрос о большей или меньшей силе. Поэтому, когда некоторые шарлатаны, говоря с рабочими, ссылаются на законность, как на главный аргумент, рабочие имеют право рассмеяться им в лицо и спросить, советовались ли с ними те люди, которые выдумывали эти законы. А если бы даже эти законы когда-нибудь и были ими приняты, то во всяком случае они могут иметь силу только до тех пор, пока принявшие их считают их полезными и соглашаются соблюдать их. Странно было бы, в самом деле, если бы, только потому, что мы в тот или другой момент приняли известную

линию поведения, нас хотели заставить держаться её во всю остальную нашу жизнь, не внося в нее никаких изменений, только потому что это может не понравиться некоторым другим людям, которые в силу различных причин находят существующий порядок вещей хорошим и хотят удержать его навсегда. Но что еще смешнее – это желание заставить нас подчиняться законам прошлых поколений, уверить нас, что мы обязаны уважать те измышления, которые несколькими человекам вздумалось каких-нибудь пятьдесят лет тому назад возвести в закон; смешна эта дерзость, с которой люди решаются поработать настоящим понятием, ставшим достоянием прошлого.

Но тут мы слышим возражения всех изобретателей законов, всех тех, кому их существование выгодно, а также и наивных людей, идущих за ними: «как!» восклицают они, «общество не могло бы существовать без законов; люди перегрызли бы между собой, если бы не было власти, пекущейся о них и удерживающей их в пределах страха и уважения к существующим положениям». Но мы увидим, что никакие законы, никакое принуждение не могут ни утратить, ни предупредить преступлений, потому что эти преступления – результат нашей дурной общественной организации; нужно поэтому заботиться не об удержании или изменении существующих законов, а о преобразовании всего нашего общественного строя.

Но больше всего нас возмущает то, что находятся люди, которые решаются быть судьями других. Еще можно понять, что в те времена, когда власть опиралась на божественное происхождение и правосудие считалось исходящим от самого Бога, носители его могли считать себя особыми существами, наделенными, по воле Божьей, частицей его всемогущества и непогрешимости, и способными распределять награды и наказания среди обыкновенных смертных.

Но в наш век науки и свободной критики, когда все признают, что все люди созданы одинаковыми, подвержены одним и тем же страстям, одним и тем же увлечениям и ошибкам; когда умирающее Божество уже не вдохновляет всегда рискующий ошибиться человеческий ум, мы совершенно не понимаем, как могут существовать люди, у которых хватает дерзости или умственной ограниченности принимать на себя сознательно и хладнокровно такую страшную ответственность, как отнять у другого человека жизнь или часть его свободы.

Каждый день, в самых обыкновенных жизненных делах нам приходится останавливаться не только перед разрешением вопроса о причинах, побудивших к тому или другому поступку окружающих нас людей, но даже перед объяснением своих собственных побуждений; каким же образом мы можем быть настолько высокого мнения о себе, чтобы считать себя способными разобраться в деле, где нам неизвестны ни начало, ни участники, ни побудительные причины, где все является в преувеличенном и искаженном виде, с комментариями разных участвующих в нем или даже только слышавших о нем людей?

Вы, являющиеся строгими и непогрешимыми судьями этого человека, укравшего или убившего, – разве вы знаете побудившие его на это причины? Разве вы знаете все условия среды, наследственности, даже случайные обстоятельства, повлиявшие на его мозг и заставившие его совершить тот поступок, который вы ставите ему в упрек? Вы,

непогрешимые люди, налагающие проклятие на того «подсудимого», которого полиция привела и поставила перед вами, – задавались ли вы когда-нибудь вопросом о том, не поступили-ли бы и вы так же как он, если бы вы были поставлены в те же условия? Даже если бы вы, в самом деле, были такими непогрешимыми, нравственными людьми, какими вас считают, то и тогда, имея в руках право безжалостно разбить человеческую жизнь и свободу, вы не решились бы высказывать своих приговоров, если бы вы действительно подумали о непрочности всего человеческого. Если бы вы сознали, что вы делаете, вы в ужасе отвернулись бы от этого дела! Неужели после этого вы могли бы проводить ночи без кошмаров? Неужели вас не мучили бы призраки жертв вашего так называемого правосудия? Нет, только бессознательность – результат глупости и привычки – дает вам силу не сломиться под тяжестью упреков совести и призраков ваших жертв.

Наше время критики и положительной науки не признает законности какой-нибудь высшей власти, награждающей добрых и наказывающей злых. Этот принцип был вполне логичен на известной ступени развития человечества, но теперь он устарел, и мы противопоставляем ему другой. Каждый из нас считает действия других людей хорошими или дурными, смотря по тому, приятны они ему или неприятны, и сам поступает соответственно этому. Он одобряет, восторгается, или нападает, смотря по тому, соответствует ли данный поступок его выгоде, его чувству, или его понятию об идеале. Общая потребность в солидарности, заставляющая людей, подверженных одним и тем же нападениям, соединяться для общей защиты, кажется нам лучшей гарантией будущего общественного строя, более спокойного, чем наш. Мы не судим: мы только действуем и боремся, и думаем, что всеобщая гармония сама явится результатом свободной деятельности личностей, как только уничтожение частной собственности сделает невозможным, чтобы какая-нибудь горсть людей держала в порабощении всех остальных.

Итак, мы не признаем, чтобы через каких-нибудь шесть недель, или шесть лет после совершения известного поступка, горсть людей, опирающихся на вооруженную силу, имела право собраться и, во имя отвлеченного понятия, наказывать или награждать совершившего этот поступок человека. Все это – одна трусость и лицемерие: вы обвиняете этого человека в убийстве и, чтобы показать ему, что он поступил дурно, сами убиваете его через посредство палача – наемного убийцы на службе у общества. Ни у вас, ни у этого палача, не будет даже того смягчающего обстоятельства, что вы рискуете своей жизнью: вы действуете под прикрытием защищающей вас вооруженной силы. Мы, борющиеся с господствующим классом, говорим судьям: признайте прямо, что вы его защитники, и оставьте нас в покое с вашими громкими фразами; поддерживайте те привилегии, защита которых вам поручена, употребляйте силу, которую общее невежество дает вам в руки, но оставьте в покое правосудие и справедливость: они не имеют ничего общего с тем, что вы делаете.

Чтобы мы могли как следует оценить вашу роль охотников, травящих зверя, нам бы хотелось, чтобы вы как-нибудь попали, будучи невинными, в руки ваших сотоварищей-судей, которые бы стали в свою очередь судить вас. Вы бы узнали тогда, сколько тревог и мучений должны были пережить те подсудимые, которые проходили перед вами и которыми вы играли как кошка мышкой. Под впечатлением потоков прокурорского красноречия, шумящих над вашей головой, перед вами встали бы призраки всех тех

несчастных, которых вы, в течение своей карьеры, принесли в жертву на алтаре общественного возмездия, и вы с ужасом спросили бы себя: не были ли и они также невинны как я?

Да, мы искренно желали бы, чтобы кому-нибудь из вас пришлось пережить, будучи несправедливо обвиненным, мучения всех тех, кого вы видите перед собой на скамье подсудимых, – потому что, если бы когда-нибудь его невинность была обнаружена, и он вновь вернулся на свой пост, то он по всей вероятности явился бы в суд только для того, чтобы разорвать свою судейскую тогу и покаяться во всей своей преступной жизни, когда он судил наугад и торговал человеческой жизнью.

Версия #2

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 8 июля 2025 17:08:18

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 13 октября 2025 15:46:25